

На правах рукописи

Чеснокова Ольга Станиславовна

**ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РАЗВИТИИ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МЕКСИКАНСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук**

10.02.05 - романские языки

Москва – 2006

Работа выполнена на кафедре иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов

Научный консультант: академик МАН ВШ доктор филологических наук профессор Фирсова Н.М.

Официальные оппоненты:

Доктор филологических наук, профессор Соколова Георгина Григорьевна
Доктор филологических наук, профессор Сапрыкина Ольга Александровна
Доктор филологических наук, доцент Попова Таисия Георгиевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО Академия Народного Хозяйства при Правительстве Российской Федерации

Защита состоится «___» _____ 2007 г. в 15.00. часов

на заседании диссертационного совета Д 212.203.12

при Российском университете дружбы народов

по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6, ауд. 436.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского университета дружбы народов

Автореферат разослан «___» _____ 2007 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Н.Ю.Нелюбова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблематика единства и многообразия форм существования испанского языка является своего рода константой научного поиска в романистике. Дивергенция и конвергенция испанского языка рассматривается в работах таких крупных зарубежных романистов, как А. Бельо, Р.Куэрво, Д.Алонсо, А.Самора Висенте, П.Энрикес Уренья, Р. Менендес Пидаль, А.Розенблат, Р.Лапеса, Р. Ленц, М. Альвар, Х.М. Лопе Бланч, Х.Г. Морено де Альба, М.Б. Фонтанелла де Вайнберг, Дж. Липски, Х. П. Рона, Б. Мальмберг, Х.Х. Монтес Хиральдо, Л.Флорес и др.

Отечественная романистика также имеет богатую научную традицию в исследовании варьирования языка (В.Ф. Шишмарев, М.В. Сергиевский, Р.А. Будагов, В.Г. Гак, Г.В. Степанов, Е.М. Вольф, Н.М. Фирсова, В.С. Виноградов, Е.А. Реферовская, Н.А. Катагощина, М.А. Бородина, А.В. Широкова, Л.М. Скрелина, Т.Б. Алисова, И.И. Челышева, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева, Г.Г. Соколова, Т.Ю. Загряжкина, А.И. Чередниченко, Б.П. Нарумов, Н.Ф. Михеева, М.А. Косарик, О.А. Сапрыкина).

Сформулированное академиком Г.В. Степановым, выдающимся отечественным филологом-романистом XX века, понятие *национальных вариантов полинационального языка* как форм «национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности»¹ стало поворотным событием в испанистике и теоретическом языкознании. Концепция национальных вариантов и равноправия национальных норм испанского языка получила дальнейшее подтверждение и развитие в отечественной испанистике, прежде всего в трудах академика Н.М. Фирсовой и ее школы. Исследования показали, что, наряду со структурным единством, национальные варианты испанского языка обнаруживают различия на всех уровнях языковой системы, что стало в современной испанистике общепризнанным фактом. Понятие системы дифференцированных норм национальных вариантов расширило теоретические представления о формах существования испанского языка.

Территориальное варьирование составляет имманентную форму существования испанского языка. На сегодняшний день общее число испаноговорящих достигло 430 млн. человек, а в двадцати странах мира испанский язык является государственным. Адекватная интерпретация пространственного варьирования испанского языка должна учитывать как внутрискруктурные, так и ментально-языковые и культурно-мировоззренческие параметры. Согласно исходной исследовательской гипотезе диссертации, специфика национальных вариантов полинационального испанского языка и специфика лексики как их

---

¹ Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М.: Наука, 1976. – С. 100.

репрезентативной сферы раскрываются через реконструкцию языковой картины мира носителей различных национальных вариантов единого в структурном отношении испанского языка. Исследовательская гипотеза диссертации предполагает, что языковая картина мира как отраженное в языковой материи мировосприятие социума может рассматриваться как системообразующий фактор, позволяющий реконструировать и интерпретировать динамику развития свойств лексико-семантической системы на материале отдельных национальных вариантов испанского языка.

Развитие современного научного знания по пути антропоцентризма сфокусировало внимание представителей различных дисциплин, изучающих человека, на вопросах взаимодействия языка и культуры, менталитета, языкового сознания и языковой картины мира. Применительно к полинациональному языку этот ракурс исследований имеет особое значение. Уникальная способность естественного языка служить средством отражения, хранения и передачи культурной традиции от поколения к поколению обуславливает тот факт, что в каждой стране, использующей полинациональный язык, последний приобретает особые лингвокультурологические свойства. Испанский язык в этом отношении – явление уникальное по формам проявления в пространстве и времени, статике и динамике. В соответствии с исследовательской гипотезой диссертации, современные национальные варианты испанского языка – это явления не только собственно лингвистические, но и культурно-мировоззренческие и лингвокультурологические, обусловленные языковой картиной мира его носителей. Воссоздание и интерпретация языковой картины мира как новой онтологии научного знания базируется на антропоцентризме современного гуманитарного знания и определяет **актуальность** предпринятого исследования.

В качестве **объекта исследования** выступает мексиканский национальный вариант испанского языка. Мексика – Мексиканские Соединенные Штаты – крупнейшая в мире испаноязычная страна. На сегодняшний день ее население составляет 107 млн. человек (данные на 2005 г. по: Population Reference Bureau: <http://www.prb.org>), т.е. фактически каждый четвертый испаноговорящий – это мексиканец. Мексика – колыбель древнейших цивилизаций ольмеков, ацтеков, майя, создавших уникальные концепции мировидения и давших миру удивительные образцы архитектуры, настенной росписи, эпоса и систем письма. Современные мексиканцы являются носителями синтетической культуры, сохранившей сокровища индейских культур и впитавшей традиционные формы испанской культуры. Испанский язык Мексики имеет богатую традицию изучения (П. Энрикес Уренья, А. Самора Висенте, Х.И. Давила Гариби, Х.М. Лопе Бланч, Х.Г. Морено де Альба, В.М. Суарес, Э. Кортич Мора, П. Бойд-Боуман, Д. Карденас, Р. Вильямсон, Б. Гуарса Суарон, Х.Л. Матлук, Х.И. Гусман Бетанкорт, М. Мунтцель, В. Дитрих и др.). *Лингвокультурологическая составляющая* мексиканского национального варианта испанского языка

позволяет выявить взаимосвязь эволюции лексики мексиканского национального варианта испанского языка с менталитетом и культурой мексиканцев, что задаёт и определяет **предмет исследования**. Его **новизна** обусловлена синтезом интегрального описания лексики и менталитета через воссоздание языковой картины мира мексиканцев. При этом языковая картина мира рассматривается как один из семиотических кодов культуры.

Основные **цели работы** направлены на выявление и верификацию специфики лексики мексиканского национального варианта испанского языка через призму языковой картины мира мексиканцев, а также на поиск и определение системообразующих факторов, организующих языковую картину мира мексиканцев и обуславливающих специфику развития лексики мексиканского национального варианта испанского языка в дискурсах различных типов.

Задачи исследования состоят в том, чтобы:

1. Рассмотреть и уточнить процедуры реконструкции языковой картины мира носителей полинационального испанского языка.
2. Осуществить реконструкцию мексиканского культурного пространства на материале речевых и неречевых практик.
3. Выявить формы взаимосвязи лексического своеобразия мексиканского национального варианта испанского языка с менталитетом и языковой картиной мира мексиканцев в диахронии и синхронии.
4. Рассмотреть формирование и развитие культурно-значимой лексики мексиканского национального варианта испанского языка.
5. Установить динамику развития категорий имени собственного под воздействием национально-специфичной картины мира и менталитета мексиканцев.
6. Осуществить анализ актуализации культурно-значимой лексики и основных концептов языковой картины мира мексиканцев в дискурсах различных типов.
7. Провести анализ роли констант языковой картины мира мексиканцев в семиотике художественного текста.
8. Обобщить закономерности и системообразующие факторы развития языкового и культурного пространства Мексики, тенденции и константы, обеспечивающие его целостность.

На **защиту** выносятся следующие **положения**.

1. Языковая картина мира выступает как один из семиотических кодов культуры, ею же обусловленный. Одновременно сочетая когнитивный и речевой аспекты, языковая картина мира достоверно верифицируется в дискурсе, онтологически обращенном к мыслительной и речевой деятельности.
2. Важнейшими инструментами реконструкции и осмысления языковой картины мира выступают концепты, ключевые слова, различные прецедентные феномены, создающие культурные коннотации. Семантические ассоциации слов, тропеические механизмы языка и идиоматизация образуют фундамент для воссоздания языковой

- картины мира, особенно с учетом *межвариантной национально-культурной специфики* (термин введён академиком Н.М. Фирсовой).
3. В мексиканском национальном варианте испанского языка органично сосуществуют стабильное общеиспанское ядро и вариативные особенности, обусловленные самобытностью мексиканской культуры, менталитетом, национальным характером и языковой картиной мира мексиканцев.
  4. Менталитет, национальный характер и присущая мексиканцам языковая картина мира находятся в отношениях изосемичности и изофункциональности.
  5. Релевантными кодами менталитета и языковой картины мира мексиканцев являются синкретизм культуры страны, индейский компонент, значимость ценностей национально-освободительного движения.
  6. Релевантные коды менталитета и языковой картины мира мексиканцев задают парадигмы реализаций универсальных лексических категорий и пути эволюции лексической системы в пространстве мексиканского национального варианта испанского языка в целом.
  7. Семиотика современного мексиканского художественного дискурса находится под воздействием релевантных кодов языковой картины мира мексиканцев.

Материалами и источниками исследования являются:

1. Теоретические исследования зарубежных и отечественных авторов, посвященные пространственному варьированию испанского языка.
2. Лексикографические источники: толковые и двуязычные словари испанского языка, словари американизмов, мексиканизмов, индихенизмов.
3. Дискурсы и тексты охватывают: хроники открытия Америки; сборники фольклорных текстов; средства массовой информации; рекламный, официально-деловой, бытовой, этикетный, юмористический, художественный дискурсы.
4. Мексиканский художественный дискурс представлен в специальном анализе романа Карлоса Фуэнтеса *La muerte de Artemio Cruz* / «Смерть Артемио Круса» и романа Лауры Эскивель *Como agua para chocolate* / «Шоколад на крутом кипятке», позволившем уточнить и углубить понимание роли языковой картины мира мексиканцев в актуализации и развитии культурно-значимой лексики в художественном дискурсе.
5. Записи автором устной речи мексиканцев (их большинство относится к пребыванию автора в Мексике в 1998 и 1999 гг.) в виде высказываний, реплик, диалогических единств, а также данные опроса информантов и ассоциативных экспериментов.

Методологической основой исследования послужило положение о единстве и диалектической взаимосвязи формы и содержания знаков языка и культуры, а также теоретическое положение о равноправии норм

национальных вариантов единого в структурном отношении испанского языка, принятое в отечественной испанистике.

Свойства языковой картины мира как диалектического единства собственно языковой и ментальной сущностей предопределили использование **комплексной методики исследования**. Помимо общенаучных методов индукции, дедукции, анализа, синтеза, использованы структурно-семиотический метод, метод семантической реконструкции, ассоциативный метод, методы культурологических интерпретаций и лингвокультурологического анализа, опирающиеся на современные нормы употребления языка.

Основные результаты. Реконструкция языковой картины мира мексиканцев по данным культурно-значимой лексики, концептам, категориям имени собственного и материалам дискурсов различных типов свидетельствует о том, что мексиканский национальный вариант испанского языка является органичной частью общеиспанского языкового континуума и одновременно выступает как независимое и самостоятельное языковое целое, обладающее собственным набором релевантных признаков и образующее особую лингвокультурологическую сущность.

Научная новизна. Впервые на основании обширного языкового материала проведена реконструкция языковой картины мира носителей национального варианта крупнейшей испаноязычной страны – Мексики, использующая не только корпус единиц лексико-семантической сферы, но и их функционирование в тексте и дискурсе. Предложена реконструкция языковой картины мира как семиотического кода культуры. Выведены устойчивые константы языковой картины мира мексиканцев, имеющие системообразующий характер.

Теоретическая значимость диссертации заключается в углублении лингвистических представлений о формах существования и вариативности испанского языка с опорой на комплексную методику исследования лексической системы в диапазоне от лексико-семантических единиц до текста и дискурса. Включение в исследования вариативности испанского языка проблематики языковой картины мира и семиотики открывает новые перспективы в комплексном изучении развития лексической системы испанского языка.

Апробация работы. Результаты научного исследования были представлены на международных и всероссийских конференциях и конгрессах: на международных конференциях «Степановские чтения» (Москва, Российский университет дружбы народов, 1997, 1998, 2001, 2003, 2005), на XXII Международном Конгрессе по романской филологии (Брюссель, 1998), на международных конференциях испанистов России (Москва, 1994, 1999), X Всемирном конгрессе латиноамериканистов /X FIFALC (Москва, 2001), международных конференциях «Проблемы гуманитаризации и роль исторической науки в процессе подготовки студентов» (РУДН, 2001), «Лингвистические основы межкультурной коммуникации» (Нижний Новгород, Нижегородский государственный

лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2003), «Романские языки и культуры: история и современность» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 2003, 2005), «Иберо-романистика в современном мире: Научная парадигма и актуальные задачи» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 2003, 2006), «Актуальные проблемы современной иберо-романистики» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения, 2004, 2005, 2006), «I Новиковские чтения «Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения» (Москва, РУДН, 2006), «Испанский язык в информационном обществе: актуальные процессы и перспективы» (МГИМО (Университет), 2006), на конгрессах Международной Ассоциации по изучению диалога / International Association for Dialogue Analysis (Прага, 1996; Болонья, 2000; Гётеборг, 2001; Зальцбург, 2003; Чикаго (по гранту Российского Гуманитарного Научного Фонда), 2004; Бухарест, 2005), на межвузовской научной конференции «Межкультурная коммуникация и перевод» (Москва, МОСУ, 2005) и др.

Результаты диссертационного исследования обсуждались на заседании кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. По теме диссертации имеется 45 публикаций: одна монография, 15 научных статей (из них 5 – в ведущих научных изданиях), 26 материалов и тезисов докладов, три учебные пособия.

Материалы и выводы исследования могут найти **практическое применение** в курсах «Теория и практика межкультурной коммуникации», «История испанского языка», «Язык и культура стран изучаемого языка», «Лексикология испанского языка», «Функциональная стилистика», «Речевой этикет», «Ментальность испаноговорящих народов», «История и культура стран изучаемого языка», «Лингвострановедение», «Язык художественной литературы», а также в практике преподавания испанского языка, в теории и практике перевода. Материалы и выводы диссертации также могут быть использованы в более общих **теоретических исследованиях**, посвященных вопросам взаимодействия языка и культуры, в ареальных исследованиях, в работах, посвященных пространственному варьированию испанского языка, и в научных дисциплинах, рассматривающих вопросы становления и развития этносов и эволюцию культуры.

Материалы диссертации используются при чтении автором курсов лекций «Лексикология испанского языка» для студентов-лингвистов и студентов-филологов филологического факультета Российского университета дружбы народов, а также при чтении курсов «История и культура страны изучаемого (испанского) языка» для студентов-лингвистов и магистров-филологов филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Структура работы. Диссертация состоит из *Введения*, пяти глав, *Заключения*, *Списка использованной литературы* и *Списка источников языкового материала и текстовых примеров*.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определяются объект и предмет анализа, формулируются цели и задачи, выдвигаются основные положения, выносимые на защиту, определяется методологическая основа и методы исследования.

Глава I «Испанский язык в пространстве и времени. Национальный менталитет. Языковая картина мира» посвящена вопросам вариативности испанского языка (*раздел 1.1.*), статусу испанского языка Мексики (*раздел 1.2.*), анализу, уточнению и разработке процедур реконструкции языковой картины мира (*раздел 1.3.*). Одновременно рассматривается проблематика языковой картины мира мексиканцев как носителей одного из национальных вариантов полинационального испанского языка, выводятся константы их менталитета и языковой картины мира (*разделы 1.4., 1.5.*). Испанский язык Мексики является *национальным вариантом испанского языка*, т.к. его отличают соответствие функциям национального варианта: ранг официального, наличие национальной литературной нормы, статус родного языка для абсолютного числа жителей, выполнение полного объема общественных функций и лингвокультурологическая специфика². Современный испанский язык Мексики сложился под влиянием разнообразных факторов как собственно языкового (языковые контакты и естественное развитие языка, в первую очередь), так и социально-исторического и культурологического порядка. Особую роль в становлении национальной языковой нормы Мексики играла и продолжает играть столица страны – г. Мехико, где проживает около 20 миллионов человек (одна пятая населения страны) и традиционно концентрируется вузовское образование. По образному выражению авторитетнейшего мексиканского лингвиста Х.М. Лопе Бланча, город Мехико является «лингвистическим горнилом» (*crisol lingüístico*) страны, где сливаются воедино разнообразные диалектные тенденции³. Языковые контакты испанского языка и автохтонных языков Мексики нашли как культурно-антропологическое, так и внутривидовое языковое воплощение. Современный испанский язык Мексики является красноречивым отражением динамики процессов пространственной и временной дифференциации и интеграции испанского языка. В нем органично сосуществуют общеиспанские, панамериканские, зональные и национально-специфичные черты. Избранный в диссертации подход к мексиканскому национальному варианту испанского языка в большей степени соответствует «макро-», чем «микрокосмосу»: «Лингвистический макрокосмос должен быть более нивелирован, чем микрокосмос»⁴. Именно

---

² Фирсова Н.М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке: Учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2000. – С. 19-20

³ Lope Blanch J.M. Estado actual del español en México // El español hablado en México. Tomo IV. México: Comisión para la defensa del idioma español, 1982. – P.11.

⁴ Принципы описания языков мира. – М.: Наука, 1976. – С. 163

этому познавательному аспекту отвечает реконструкция «инвариантной части в структуре языковой личности», по Ю.Н. Караулову, современных мексиканцев, т.е. того стабильного ядра, которое позволяет воссоздавать «набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности»⁵, присущий мексиканской языковой личности и лингвокультурной общности в целом.

Лексическая система мексиканского национального варианта испанского языка как наиболее подверженный влиянию культурно-мировоззренческого фактора языковой уровень представляет самобытный синтез общеиспанских, панамериканских, зональных и собственно национальных единиц, которые, в свою очередь, обнаруживают внутринациональное территориальное варьирование. Подавляющее большинство лексических единиц мексиканского национального варианта испанского языка – это единицы общеиспанского словарного фонда. При безусловной общеиспанской основе лексика мексиканского национального варианта испанского языка обнаруживает обилие единиц, бытующих и в других странах Латинской Америки, но не свойственных Испании, т.е. *панамериканизмов*, таких, как *carro m* «машина», *saco m* «пиджак», *chévere adj* «красивый», «хороший», «любезный», кечуизм *papa f* «картофель», *prestar vt* в значении «передать», что свидетельствует о панамериканской унификации лексики. Естественное развитие языка обусловило и тот факт, что испанский язык Мексики имеет лексические единицы, являющиеся для пиренейского варианта архаизмами: *luego luego* «*enseguida*», *ofrecérsele a uno algo* «*hacer falta*», *sentirse* «*sentirse ofendido*», *puro* «*sólo*». Специфика лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка во многом обусловлена субстратным влиянием автохтонных индейских языков. Индейский субстрат мексиканского национального варианта испанского языка представляет многомерное и неоднозначное явление. Корреляция собственно лингвистических фактов с явлениями менталитета и языковой картины мира может представлять новый ракурс подхода к индихенизмам, как и к другим престационным и эволюционным процессам в мексиканском национальном варианте испанского языка и в национальных вариантах испанского языка Латинской Америки в целом.

Взаимное влияние экстра- и интралингвистических факторов приводит к семантическим изменениям, а эволюция общеиспанских и панамериканских языковых средств воплощается в универсальных языковых процессах: семантической дивергенции, расширении / сужении значения, развитии дополнительных смыслов и коннотаций, формировании словообразовательных дублетов, а также в тропеических механизмах языка и идиоматизации. Обращение к единицам общеиспанского основного словарного фонда выявляет многочисленные факты эволюции значений. Так, общеиспанский архитектурный термин *zócalo m* в значениях 1) цоколь; 2) панель, облицовка нижней части стены, 3) основа, база (колонны,

---

⁵ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.-С.29.

пьедестала), 4) *пьедестал* (Большой испанско-русский словарь) именуется в Мексике центральной площадью в городах: *Zócalo de la Ciudad de México*. Ср. контекст о городе Тлакоталпан: *El malecón de Tlacotalpan está a sólo una calle del zócalo* (*México desconocido*, diciembre 2000, №. 286) и фрагмент из художественного дискурса: *Era una casa grande para nosotros dos. Una casa en el centro, cerca del zócalo, la casa de mis papás y las tiendas* (Mastretta).

Реконструкция языковой картины мира путем исследования лексики, лексической семантики и фразеологии, в первую очередь, конкретного языка составляет на сегодняшний день стандартную лингвистическую процедуру. Культурно-значимая лексика, в свою очередь, имеет особую концептуальную и коннотативную нагрузку; ср. пример из дискурса (сохранено выделение жирным шрифтом текста оригинала): *Dé a sus invitados a enamorarse de Guadalajara, La Ciudad de las Rosas, bebiendo un jarro de **tequila** debajo de un **sombrero charro**, cobijados en un **reboso** y con las notas incomparables del **mariachi*** (Guía Guadalajara. Congresos. Exposiciones. Convenciones. 2001) / «Позвольте своим гостям влюбиться в Гвадалахару – Город Роз. Сделайте это за глотком **текилы**, надев **сомбреро всадника-чарро** или закутавшись в **шаль-ребосо** под несравненные звуки музыки **марьячи**». Выделенные в тексте оригинала слова *tequila* «текила», *sombrero charro* «сомбреро всадника-чарро», *reboso* «шаль-ребосо», *mariachi* «марьячи» являются важными составляющими концептосферы мексиканцев.

В соответствии с исследовательской гипотезой диссертации, системообразующие факторы культурно-значимого потенциала лексики мексиканского национального варианта испанского языка объединили национальный менталитет и языковую картину мира мексиканцев как один из семиотических кодов культуры Мексики.

Языковая картина мира (далее – ЯКМ) – одно из ключевых, хотя и окончательно не структурированных понятий современной лингвистики. Еще Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Различия между языками суть нечто большее, чем просто языковые различия слова и формы слова <...>, различные языки по сути своей, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями»⁶. Философская и языковедческая мысль создала целую серию образов языка, от «языка индивида» до «энергии духа и духовной активности» (Гумбольдт), «пространства мысли» и «дома духа» (Ю.С. Степанов).

ЯКМ в диссертации предложено рассматривать как *один из семиотических кодов культуры, ею же обусловленный*. Человеческая мысль выработала более 500 определений термина «культура», от этимологического значения «возделывание почвы», метафорически экстраполированного на античные представления о «культуре души» и «культуре разума», до философских интерпретаций культуры как гуманизма и культивирования общечеловеческих ценностей. Менталитет предполагает

---

⁶ Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры. Пер. с нем. яз. – М.: Прогресс, 1985.- С. 370.

междисциплинарный ракурс исследования и привлечение как можно более обширного материала культуры, речевых и неречевых практик. Каковы речевые и неречевые проявления менталитета? Существует ли между ними связь? Ответы на эти вопросы позволяет найти *семиотика* как «наука об общей системе знаков, стоящая над частными системами, и как инструмент анализа объектов в каждой из них»⁷. Благодаря семиотике, открылись перспективы познания культуры как знаковой и коммуникативной систем (Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов, У.Эко). Весьма плодотворным представляется поиск корреляции явлений национального менталитета, языковой картины мира и собственно языкового материала по признакам трех основных семиотических измерений знака – семантики, синтактики и прагматики. Живопись, скульптура, архитектура, музыка, танец, одежда, национальная кухня, повседневная речевая коммуникация и сопровождающие ее проксемика и кинесика суть закономерные и органичные проявления знаковой сущности культуры и менталитета, ими же обусловленные.

Для овладения иноязычной языковой картиной мира (неотъемлемой составляющей диалога культур) необходимы знание и овладение культурными кодами в широком, антропологическом смысле, и понимание культурной специфики этноса. В отличие от невербальных семиотических кодов культуры, таких, как живопись, архитектура, музыка, ЯКМ имеет планом выражения именно языковую материю. ЯКМ оказывается одновременно когнитивным и речевым явлением и поэтому достоверно выявляется и верифицируется через *дискурс*, онтологически также обращенный к мыслительной и речевой деятельности.

Важнейшими инструментами реконструкции и осмысления ЯКМ в диссертации расцениваются: *концепты, ключевые слова, прецедентные феномены, культурные коннотации, семантические ассоциации слов, тропеические механизмы языка, идиоматизация*. Для испанского языкового материала, в силу гетерогенности культуры испаноязычного мира, необходим учет *межвариантной национально-культурной специфики*.

Мексиканская нация сформировалась на основе индейского, европейского (преимущественно испанского) и в очень незначительной степени негритянского компонентов. Метисное ядро мексиканской нации сложилось к XIX веку. Современные мексиканцы являются носителями синтетической культуры, вобравшей и сохранившей сокровища культурного наследия как индейских народов Мексики, так и традиционные формы испанской культуры. Значимость индейских традиций закреплена в Конституции Мексики:

ARTICULO 4º. La Nación mexicana tiene una composición pluricultural, sustentada originalmente en sus pueblos indígenas.

---

⁷ Новиков Л.А. Семиотика как наука о знаковых системах и общая лингвистика // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». - 2003, № 5. – С.25.

La Ley protegerá y promoverá el desarrollo de sus lenguas, culturas, usos, costumbres, recursos y formas específicas de organización social, y garantizará a sus integrantes el efectivo acceso a la jurisdicción del Estado (Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos)/ «Мексика является многокультурной страной, основу которой составляют автохтонные индейские народы. Закон охраняет и содействует развитию языков, культур, обычаев, традиций и форм социальной организации индейских народов и является гарантией их нахождения под юрисдикцией государства».

В мексиканском национальном варианте испанского языка органично сосуществуют стабильное общеиспанское ядро и вариативные особенности, обусловленные самобытностью мексиканской культуры, менталитетом, национальным характером и языковой картиной мира мексиканцев. Менталитет, национальный характер и присущая мексиканцам языковая картина мира находятся в отношениях изосемичности и изофункциональности. Релевантными кодами менталитета и языковой картины мира мексиканцев представляются синкретизм культуры страны, индейский компонент, значимость ценностей национально-освободительного движения, что было продемонстрировано на примере реконструкции концепта «праздник» (*раздел 1.6.*) через рассмотрение и интерпретацию семиотики государственных праздников Мексики как микросистемы устойчивых культурных кодов.

Глава II – «Культурно-значимая лексика и языковая картина мира» – посвящена решению комплекса исследовательских задач, позволяющих реконструировать и интерпретировать релевантные фрагменты языковой картины мира мексиканцев: культурно-исторически обусловленный потенциал *индихенизмов*, семантическую эволюцию общеиспанских терминов родства *padre/madre*, национально- специфичное содержание концепта «*смерть*», анализ лексико-семантического поля «*пища*». Соответствующий языковой и изосемичный ему внеязыковой материал позволяет реконструировать важнейшие составляющие бытия человека: отношения полов и поколений, жизненный цикл, окружающий мир и мир повседневности, и проследить по данным языка, речи и мышления развитие культурно-значимого потенциала лексики мексиканского национального варианта испанского языка.

Анализ субстратного влияния автохтонного языкового материала – *индихенизмов (индианизмов)* на лексику мексиканского национального варианта испанского языка (*раздел 2.1.*) показал, что субстратное влияние автохтонного языкового материала является одним из вербальных отражений и проявлений синкретизма мексиканской культуры. Были выделены следующие основные лексико-семантические группы *индихенизмов автохтонного происхождения*. 1. Названия флоры: *tacalote* m /американский боб. 2. Названия фауны: *tuza* f /гофер, мешотчатая крыса. 3. Наименования идущих в пищу овощей и фруктов: *jitomate* m /красный помидор; *tomate* m /зеленый помидор. 4. Названия блюд национальной кухни: *mole* m/соус,

жаркое. 5. Названия национальных напитков: *mezcal* m /мескаль – водка из агавы. 6. Названия домашней утвари: *comal* m /глиняная сковорода. 7. Названия элементов традиционного жилища индейцев: *cuescomate, coscomate* m / куэскомате – отдельно расположенное от жилища зернохранилище, круглое или квадратное, иногда – вазообразное. 8. Названия атрибутов традиционной музыкальной культуры индейцев: *tuncul* m /маленький индейский барабан. 9. Названия предметов народных промыслов: *amate* m /амате – рисунки яркими красками (обычно в стиле примитивизма) на специальном образом обработанной истонченной коре одноименного дерева. Типичный мотив рисунков-амате – птицы с пышными хвостами. 10. Названия предметов с особыми, в представлении индейцев, магическими свойствами: *tzínaru* m /обсидиан – вулканическая горная порода, из которой изготавливали стрелы, ножи и копья. 11. Названия лекарственных трав и средств народной медицины: *tlacopatle, tlacopate, tlacopaxtle* m /тлакопатле – лекарственное растение с антиспазматическими свойствами. 12. Исторические реалии: *yácatas* f pl /якатас – доиспанские пирамидальные сооружения тарасков. 13. Названия, относящиеся к сфере строительства: *tecali* m /негашеная известь. 14. Понятия сельского хозяйства: *chahuistle* m /чауистле (заболевание зерновых культур). 15. Названия предметов одежды: *guaraches/ huaraches* m pl /кожаные сандалии. 16. Экспрессивные единицы: *cheche* m /плакса; *achichinle* m /льстец. 17. Этнонимы (в первую очередь – названия индейских народов): *tzendales* m pl /цендалы; *tzotziles* m pl /цоцилы. 18. Топонимы. Индейское происхождение имеет, например, название известного курорта *Acapulco / Акапулько* – «место тростниковых зарослей», на науатль. 19. Имена личные (реалионимы и мифонимы): имена божеств индейских пантеонов, индейских правителей. Так, имя верховного ацтекского божества *Huitzilopochtli/ Уицилопочтли* означает «колибри левой стороны» или «колибри-левша».

Естественная интеграция лексики проявляется в том, что в мексиканском национальном варианте испанского языка органично сосуществуют заимствования из других индейских языков: аравакских, карибских, кечумаранских, давших наибольшее число заимствований в общеиспанскую лексику. Сосуществующая с общеиспанской грамматической ассимиляцией предметно-логическая основа индихенизмов оказывается свидетельством устойчивости индейского компонента в словесном отражении и концептуализации мексиканцами окружающего мира. В исследовании продемонстрирована семиотически обусловленная роль индихенизмов в лексической специфике дискурсов различных типов. В частности, воссоздание событий мексиканской истории, реалистическое описание окружающего мира и мира повседневности едва ли возможно без использования индихенизмов: ср индихенизмы *исторической* тематики в разделе об истории мексиканского флага, размещенном после текста Конституции Мексиканских Соединенных Штатов: *Así también, se utilizaban estandartes o banderas denominadas “pantli”, que identificaban a diferentes “calpullis” a los que pertenecían las escuadras que conformaban el ejército; los*

“*pantli*” eran portados en la espalda por el jefe de cada escuadra al que llamaban “*tepuchtlato*”, el cual, además de portar el estandarte, cubría su vestimenta o “*ichcahuipilli*” con flores de diversos colores” (Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos).

Индихенизмы – это изосемичная проекция на лексический состав мексиканского национального варианта испанского языка идеи сопричастности к индейскому компоненту в национальной культуре, ею же обусловленная. Индихенизмы играют важную роль в категоризации мексиканцами реального мира и чувственно-эмоциональной сферы. Через предметное содержание многих индихенизмов и присущие им культурные коннотации мексиканцы интерпретируют понятия и воспринимают мир. Развитие индихенизмами словообразовательных, семантических и символических дериватов и их функционирование в дискурсе свидетельствует о значимости индейского компонента в ЯКМ мексиканцев. Ср. зооморфные образы – примеры *семантической деривации*: *guajolote* «индюк» – символ глупости, *sacomixtle* «кошачий енот» – «вор», *coyote* «койот» – «хищник», «воротила», «маклер». В следующем примере культурная коннотация зооморфизма *coyote* дискурсивно раскрывается через постпозитивное придаточное определительное предложение: *La corrupción es un problema continuo, constante, y para combatirlo se tiene que contar con la participación de los vecinos; si alguien les pide dinero indebidamente, deben elaborar la denuncia. El problema se complica por los llamados coyotes, personas que conocen o han trabajado en las delegaciones, saben el movimiento y fungen en las calles como gestores o inspectores <...>* (Mujeres mexicanas del siglo XX).

Актуализация индихенизмов в структуре художественного дискурса придает ему национальный колорит и экспрессивность; ср. науатлизм *escuincle* как национально-специфичное обозначение ребенка: *Si firma Rodolfo, también que firmen nis hermanos – dije yo.- Estás loca, si son puros escuincles* (Mastretta).

Деривационный потенциал индихенизмов в мексиканском национальном варианте испанского языка дает интереснейший материал для размышлений о сохранении, формировании и эволюции лексики в условиях языковых контактов и под влиянием типичной для мексиканцев категоризации окружающего мира. Лексемы, в которых представлено несколько компонентов-индихенизмов, регулярно обнаруживают мексиканские *топонимы* индейского происхождения. Большое количество композитов дают названия трав с компонентом *xóchitl* «цветок»: *ahuahuasúchil*, *asúchil*, *azcasúchil*, *cacahuasúchil* и др., широко представленные в «Словаре ацтекизмов» Л. Кабреры. Индихенизмы выступают как элементы *номинаций-словосочетаний*. Это отчетливо прослеживается в мексиканских топонимах. Например, название сельскохозяйственного и торгового центра штата Оахака *Ixtlán de Juárez* представляет топоним-гибрид из индихенизма *Ixtlán* (из *ixtli* «равнина», на науатль) и генитивной конструкции мемориального значения *de Juárez* – топонимического свидетельства памяти о национальном герое Мексики,

Президенте Бенито Хуаресе. Фитонимы также образуют интересные образцы гибридных номинаций-словосочетаний с индихенизмом: *zapote blanco*, *epazote de zorrillo*, *ocote colorado*, *palo cuate*, *hierba de zopilote*.

Генетически гибридные дериваты можно расценивать как одно из языковых отражений и проявлений синкретизма мексиканской культуры. При этом грамматические показатели оказываются принадлежностью более сильного потенциала испанской грамматики (грамматическое влияние индейского субстрата незначительно); лексическая же основа индихенизмов в словообразовательных гибридах свидетельствует об устойчивости индейского компонента в словесном отражении и концептуализации мексиканцами окружающего мира.

Индийский компонент в *фразеологической модели* мира мексиканцев охватывает как ассоциативную сферу на уровне прецедентных феноменов, так и имеет эксплицитное выражение в виде фразеологизмов с компонентом-индихенизмом. Лингвокультурологический статус фразеологических единиц (далее – ФЕ) с компонентом-индихенизмом как единиц с эксплицитно выраженной национально-культурной спецификой представляется исключительно ценным для реконструкции языковой картины мира носителей различных вариантов испанского языка. Реалии окружающего мира, зафиксированные индихенизмами мексиканского национального варианта испанского языка, имена мексиканской фауны и флоры задают эталоны фразеологизированных оценок, основания сравнений, фундамент развития предикатных значений, т.е. элемент того особого взгляда на действительность, который фиксирует фразеологическая модель мира как часть языковой картины мира. Так, глагольный фразеологизм *correr como una tutupana* соответствует русск. «бежать быстрее лани», где *tutupana* – на науатль – птица «пастушок»; *parir chayotes* – «выполнять трудную работу», где науатлизм *chayotes* именуется плоды дерева чайотера, которые покрыты острыми шипами. Поэтому носителю иной культуры становится понятна внутренняя форма и образность выражения «*рождать чайотес*» как эталона трудоемкости.

В *разделе 2.2.* рассмотрена эволюция на мексиканском языковом материале общеиспанских терминов родства *padre* / «отец» и *madre* / «мать» и интерпретирована их роль в реконструкции языковой картины мира мексиканцев. Имена *padre* и *madre* ведут происхождение из латыни и являются терминами родства *sensu stricto*. Многозначность испанских лексем *padre* / *madre* и основанная на них общеиспанская символика и идиоматика нашли органичное применение в мексиканском национальном варианте испанского языка. Лексемы *padre* и *madre* связаны с эмоционально-образным восприятием родины. «*Padres de la Patria*» / «*Отцы Родины*» в менталитете и языковой картине мира мексиканцев – это национальные герои освободительной и революционной борьбы. «*El Padre de la Patria*» / «*Отец Родины*» – это Мигель Идальго-и-Костиля (Miguel Hidalgo y Costilla; 1753–1811) – священник, национальный герой Мексики, руководитель борьбы мексиканского народа за независимость в 1810–1811 гг.

Проанализированный языковой материал свидетельствует об общей мелиоративной стилистической окраске семантического (адъективированного) деривата термина родства *padre*. В плане синтагматики, адъективат *padre* сочетается с существительными лексических прототипов «люди» и «вещь», по А. Вежбицкой⁸, например, *una persona (mu) padre* «прекрасный человек», *una fiesta (mu) padre* «замечательный праздник» (запись носителей языка). Это употребление характерно для устного диалога и для стилизованных под разговорную речь фрагментов художественного текста: *Ya sabía que la blusita me iba a quedar padrísima. Lástima de la falda* (Loaeza), /“Я знала, что блузка подойдет мне идеально. С юбкой вышел прокол”; *Acapulco era padrísima hace veinte años <...>* (Fuentes)/ «Акапулько был просто чудесный город двадцать лет назад». Судьба существительного *madre* в мексиканском национальном варианте испанского языка более сложная и противоречивая. По К.Г. Юнгу, «как в своих положительных, так и в своих отрицательных аспектах отношение «анима»/ «анимус» всегда перегружено ожесточенностью; т.е. оно эмоционально и, следовательно, коллективно»⁹, что подтверждается дискурсивным анализом терминов родства *padre*/ «отец» и *madre* / «мать». В бытовом диалоге существительное *madre* развило значения «чепуха», «ерунда», «ничего особенного», «пустяк», с отрицательной оценочностью: *Me pidieron bolillos, teleras, pan dulce y no sé qué madres*» (Diccionario del español usual en México). Важная характеристика термина родства *madre* в языковой картине мира мексиканцев – его полифразеологичность: *tener (no tener) madre* «иметь (не иметь) совесть (стыд)»; *darle a alguien en la madre* «ударить»; *ni madre(s)* «ничего»; *valer algo madre (s)* «гроша ломаного не стоит»; *caerle de madre a alguien* «ругать кого-л.»; *a toda madre* «отлично». Имеются и междометийные восклицания – неотъемлемые элементы устного дискурса: *¡Qué poca madre!*; *¡En la madre!* (выражения неудовольствия). С семиотической точки зрения, интересна возможность сочетания с существительным *madre* количественного прилагательного *poca* «немного», «мало», «нейтрализующего» отрицательную оценочность семантической основы фразеологизма – переносного значения термина родства *madre*: *Esta película está de poca madre* «Фильм (был) очень хороший» (ср. синонимичное высказывание *Esta película está muy padre*). Противопоставление мужского и женского начал оказалось наделенным в мексиканском и – шире – латиноамериканском менталитете сложными оценочными символами и нашло проявление в самых разных сферах лингвокреативной деятельности, что подтверждает выводы видного отечественного литературоведа и культуролога А.Ф. Кофмана о том, что воплощение в латиноамериканской литературе таких устойчивых мотивов, как мачизм и виоленсия, связано с условиями возникновения латиноамериканского мира и его мужским

⁸ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: «Языки русской культуры», 1999.- С.143.

⁹ Юнг К.Г. Избранное / Пер. с нем. – Мн.: ООО «Попурри», 1998.- С.177.

началом. Особенности речевого поведения латиноамериканцев и, в частности, мексиканцев, семиотическая основа целого ряда коммуникативных стратегий, от комплимента до инвективы, также во многом служат отражением «мужской» организации латиноамериканского мира. Словообразование и семантические дериваты терминов родства *padre* / «отец» и *madre* / «мать», а также их идиоматизация в мексиканском национальном варианте испанского языка подтверждают тезис, что когнитивная сущность менталитета и его языковое воплощение в развитии лексической системы находятся в отношениях изофункциональности и изосемичности.

В *разделе 2.3.* проведена реконструкция и интерпретация концепта «*смерть*». Концепт «смерть» представлен в языковой картине мира любого народа, а одноименное лексико-семантическое поле образует ценный материал для исследования организации и развития лексической системы и функционирования лексических единиц в дискурсах различных типов. Понятие «концепта» как многомерной ментальной единицы с ценностным элементом является одним из важнейших в структурировании языковой картины мира. Хотя до сих пор не существует однозначного и непротиворечивого определения данного термина, понятие «концепт» стало стержневым и объединяющим параметром для целого ряда гуманитарных наук – философии, социологии, этнологии и когнитивной лингвистики, в первую очередь. Онтология концепта представлена трудами С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачева, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, В.Г. Зусмана, В.И. Карасика, В.З. Демьянкова, В.В. Красных, С.Г. Воркачева, В.П. Нерознака, Н.Н. Болдырева, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Г.Г. Слышкина. Как рабочее определение термина «концепт» в современных исследованиях широко применяется ёмкая и гибкая формулировка Ю.С. Степанова: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»¹⁰. Эта формулировка принята в данном диссертационном исследовании.

Логика исследования предполагает рассмотрение формирования смысла концепта «смерть» в ЯКМ мексиканцев; обсуждение влияния менталитета мексиканцев и культуры Мексики на формирование этого смысла; интерпретацию когнитивного и культурно-символического аспектов данного концепта и проверку гипотезы о том, что концепт «смерть» является одним из релевантных кодов менталитета мексиканцев, спроецированных на их ЯКМ и лексическое своеобразие мексиканского национального варианта испанского языка.

Лауреат Нобелевской Премии по литературе, мексиканский поэт и писатель Октавио Пас (1914-1998) так пишет в своей знаменитой книге

---

¹⁰ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд.3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. –С.43.

«Лабиринт одиночества»: *Para el habitante de Nueva York, París o Londres, la muerte es la palabra que jamás se pronuncia porque quema los labios. El mexicano, en cambio, la frecuente, la burla, la acaricia, duerme con ella, la festeja, es uno de sus juguetes favoritos y su amor más permanente*¹¹ / «Для жителя Нью-Йорка, Парижа или Лондона «смерть» является словом, которое он никогда не произносит, потому что слово это обжигает ему губы. Мексиканец же, напротив, употребляет его часто. Он смеется над смертью, лелеет ее, засыпает с ней, устраивает в честь нее праздники. Смерть – одна из его любимых игрушек, и его любовь к ней постоянна». Карнавализация смерти воплотилась у мексиканцев в национальном празднике Дня мёртвых (*Día de los Muertos*) – 1 и 2 ноября, в котором причудливо переплелись древние индейские традиции и элементы христианского чествования Всех Святых. Стихия Дня мёртвых поразила в свое время Сергея Эйзенштейна (1898-1948) и явилась для него одним из источников вдохновения при создании фильма «Да здравствует Мексика!» (1931-1932). Мексиканское изобразительное искусство также обнаруживает значимость мотива смерти. Черепа и скелеты являются основной символикой жанра народного мексиканского изобразительного искусства калаверас (*calaveras*). Этот жанр нашёл блестящее выражение в творчестве мексиканского графика Х.Г. Посады (1851-1913), прежде всего в его серии «калаверас», по гротескному звучанию перекликающейся с офортами Гойи. Созданный Посадой образ калаверы Катрины, олицетворяющей прогнанный порфиристский режим, продолжил жизнь в фреске знаменитого мексиканского муралиста Диего Риверы (1886-1957) *Sueño de una tarde dominical en la Alameda central* / «Воскресный сон в Аламеде» (1947).

Дискурсивное сближение концептов «смерть» и «жизнь» регулярно подтверждается произведениями мексиканского словесного творчества, в первую очередь, произведениями фольклорной окрашенности.

Por aquí pasó la muerte

Con su aguja y su dedal,

Remendando sus nagüitas

Para el día del carnaval (Cancionero folklórico de México).

В коплах любовного содержания, собранных в издании *Coplas del amor feliz*, многочисленны образцы, показывающие, что воспевание женской красоты в коплах-пиропо регулярно сопоставляется с мотивом смерти. При этом мотив смерти (лишения жизни) эстетически оттеняет и подчеркивает красоту женщины и жажду жизни адресанта (автора). К примеру, коплы с зачином *No te mates* / «Не убивай меня», где автором выступает мужчина, строятся на логически не сопоставляемой альтернативе убийства оружием (кинжалом, револьвером, стальным клинком и т.п.) и убийства женской красотой (глазами, губами, грудью):

No te mates con acero,

porque el acero es resgoso,

---

¹¹ Paz, Octavio. El laberinto de soledad. México: Fondo de Cultura Económica, 1999.-P.63.

*mátame con un suspiro
debajo de tu reboso* (Cancionero folklórico de México).

Далее рассмотрены семантические и дискурсивные особенности лексико-семантического поля «смерть» в мексиканском национальном варианте испанского языка. Их основные особенности сводятся к следующему.

1. *Развитая парадигма синонимов (в большинстве своем – метафорических и основанных на языковой игре) доминанты поля – существительного muerte «смерть».* Почти все переносные обозначения смерти обладают карнавальными, юмористическими и даже комическими коннотациями, за большинством которых стоит представление о смерти как о скелете: *dientona «зубастая», la sin dientes «беззубая», cabezona «головастая», flaca «худая», tembeleque «дрожащая».* Существительное *calaca* является мексиканскими эквивалентами паниспанизмов *calavera «череп»* и *esqueleto «скелет».* Выступая синонимом слова *muerte*, существительное *calaca* также восходит к скелету как традиционной символике смерти. Ассоциативно связанными со скелетом оказываются и такие мексиканские названия смерти, как *calavera «череп», pelona* и *calva «лысая».*

Яркие фольклорные образы смерти запечатлены в мексиканских коплах, например синтагма *media muerte*, где препозитивное относительное прилагательное *media* «половинная» развивает предикатно-характеризующее значение «слабая», «немогущая». Так рождается образ олицетворяемой, но, тем не менее, более слабой, чем человек, смерти:

*Que dice la media muerte
Que la dejen descansar,
Que ya llegó la Cuaresma,
Y se quiere confesar* (Cancionero folklórico de México).

2. *Уменьшительность прилагательного (в том числе, субстантивированного) muerto «мертвый», «мертвец» «покойник», дающая словоформу muertito.* Диминутивная форма *muertito* свойственна просторечию. Ср. стилизацию просторечия в передаче рассказа индианки о праздновании Дня мертвых в научно-популярном дискурсе: – *Es una fiesta grande, a cada muertito le ofrendan como dos de éstos y el copalero es el principal* (México desconocido, junio 2004, № 328).

3. *Особенности вторичных смыслов единиц лексико-семантического поля «смерть».* Исключительно иллюстративно в этом плане существительное *calavera*. Помимо общеиспанского значения «череп», это существительное имеет в мексиканском национальном варианте испанского языка следующие значения¹².

➤ *Смерть: Cuando venga la calavera a buscarme no voy a achicopalarme.*

---

¹² Diccionario del español usual en México/Dirigido por Luis Fernando Lara. México: El Colegio de México, Centro de Estudios Lingüísticos y Literarios, 1996. – P. 200-201.

- Вид сладостей, изготавливаемых ко Дню мёртвых (обычно в виде черепа): *No debe dar terror ni antipatía, como no nos los dan las calaveras de azúcar.*
- Стихи, сочиняемые ко Дню мёртвых.
- Деньги или подарки, которые дети просят и ожидают в День мёртвых.
- Прожигатель жизни, любитель поволочиться за женщинами. На базе этого значения возник дериват *calaverada* «дерзкая выходка», «роман на стороне», «супружеская измена»: <...> *me pareció incluso admirable que fuera capaz de tales calaveradas a su edad* (Uribe).
- Задний фонарь, стоп-сигнал у автомобиля.

Культуро-специфическим значением формы множественного числа рассматриваемого существительного – *calaveras* – является именование жанра народного мексиканского искусства (гравюра, лубок), транслитерируемое на русский язык как «калаверас».

4. Обилие фразеологических единиц, упоминающих смерть и апеллирующих к смерти, как эксплицитно (при непосредственном употреблении единиц соответствующего семантического поля, как в призыве выполнять обещанное *cáite cadáver* «стань трупом»), так и имплицитно, типа *estirar la pata* «протянуть ноги», большинство из которых является эвфемизмами. Словари мексиканизмов, специальные издания по мексиканской фразеологии, фольклору и юмору изобилуют фразеологическими единицами, упоминающими единицы лексико-семантического поля «смерть». Глаголы значения «перестать жить» универсально эвфемизируются и жаргонизируются, что обуславливает развитие богатой парадигмы синонимов.

Итак, в культуре Мексики и мексиканском национальном варианте испанского языка мы находим амбивалентное восприятие жизни и смерти, окрашенное буйными карнавальными красками и глубоким философским осмыслением. Индейские корни, преемственность, карнавал, неизбежная данность бытия и неразрывная связь с концептом «жизнь» представляются главными составляющими концепта «смерть» в менталитете и языковой картине мира мексиканцев.

Раздел 2.4. посвящен *гастрономической символике* в языковой картине мира мексиканцев. Национальная кухня, её символика, метаязык и терминология играют важную роль в постижении и интерпретации культуры как системы, в которой сосуществуют прошлое, настоящее и будущее, ведущие непрерывный диалог. Мексиканская кухня – неотъемлемая часть истории и культуры Мексики. К национальной кухне в диссертации предложен подход как к отдельной знаковой системе внутри культуры, проекция которой на знаки языка является фрагментом национальной языковой картины мира. Исследование когнитивной и коммуникативной значимости гастрономической терминологии обогащает представления о менталитете, языковой картине мира и о развитии лексической системы. Гастрономическая лексика испанского языка характеризуется национальной спецификой как в плане состава, так и результатов метафоризации и идиоматизации – ценных сведений для реконструкции и понимания ЯКМ

носителей различных национальных вариантов испанского языка. Так, для ФЕ с гастрономическим компонентом – универсального пласта фразеологического состава любого языка – в пиренейском национальном варианте испанского языка характерен высокий фразеологический потенциал компонентов *vino* «вино», *aceituna* «оливка, «маслина», *aceite de oliva* «оливковое масло». Данные компоненты и соответствующие мотивы оказываются «пустыми» для фразеологии многих латиноамериканских вариантов испанского языка.

Названия продуктов, используемых в повседневной мексиканской кулинарии, наименования идущих в пищу овощей и фруктов, а также названия традиционных блюд национальной кухни составляют неотъемлемую часть лексического состава мексиканского национального варианта испанского языка и одну из понятийных основ национально-специфичной метафоризации и идиоматизации. Так, один из разделов в статье *Gente de maíz, maíz de gente* / «Маисовые люди – маис людей» в научно-популярном журнале «Неизвестная Мексика» озаглавлен *La tortilla nuestra de cada día* / «Тортилья наша насыщенная» (*México desconocido*, julio 2004, № 329). В этом заголовке прочитывается аллюзия с Новым Заветом: *el pan nuestro de cada día* (Матео 6: 11) / «Хлеб наш насыщенный» (Матф. 6:11), а замещение слова *pan* на слово *tortilla* имеет культурной коннотацией значимость тортильи в повседневном рационе мексиканцев. Весьма разнообразна в испанском языке Мексики лексика и фразеология с именами, связанными с маисом (*maíz*): *maíz, tortilla, tlacoyo, tostada, taco, tamal, atole, pinole* и др. Лексические единицы, связанные с маисом, относятся в мексиканском национальном варианте испанского языка к индихенизмам, общеиспанским лексемам (в прямом и семантически модифицированном значении), а также к гибридной лексике – результатам аффиксального, в первую очередь, словообразования по общеиспанским моделям. Так, суффиксальные дериваты индихенизма *atole: atolero / atolera* – «продавец/продащица атоле», *atolería* – «пункт продажи атоле» – иллюстрируют суффиксальное словообразование посредством суффикса деятеля *-ero* и суффикса места производства или продажи продукта *-ería*, соответственно. Мексиканская лексика, связанная с маисом, отражает самые разнообразные признаки и характеристики этой культуры, действия по ее возделыванию, названия блюд, где используется кукуруза, а также обозначения других проявлений роли маиса в жизни мексиканцев. В исследовании детально проанализированы словообразовательная, семантическая и фразеологическая деривация таких лексем, как *maíz m, atole m, tortilla f, tostada f, taco m, tamal m, pinole m, chile m, aguacate m, mole m, frijoles m pl, chocolate m, pulque m, tequila m f*, а также других названий продуктов, блюд и способов их приготовления. Установлено, что символика, восходящая к общим особенностям национальной кухни, отражена в *мексиканской фразеологической модели мира*. При этом в ФЕ упоминаются не только ингредиенты блюд, но и общие особенности мексиканской кухни как таковой. К примеру, поскольку особенностью повседневной мексиканской

кулинарии является измельчение (размалывание) ингредиентов, то именно к этому факту апеллируют три следующих фразеологизма идентичной синтаксической структуры и коммуникативной интенции: призывом прощать ошибки и промахи. Вариативным лексическим компонентом в этих ФЕ является название ингредиента, который оказывается не измельченным: *A la mejor cocinera, se le va un tomate entero*; *A la mejor cocinera se le va un garbanzo entero*; *A la mejor cocinera, se le va una papa entera* /«Даже самая лучшая повариха пропускает целый помидор /целую горошину/ целую картофелину»; ср. русск. «И на старуху бывает проруха».

Итак, гастрономическая лексика в мексиканском национальном варианте языка отличается богатством и разнообразием единиц, а также многообразием их словообразовательных и семантических производных. ФЕ с мотивом еды обладают отточенностью словесной формы и широким диапазоном смыслов и коннотаций. О значимости фольклорной гастрономической составляющей в ЯКМ мексиканцев в межкультурном аспекте свидетельствует, в частности, триумф романа современной мексиканской писательницы Лауры Эскивель *Como agua para chocolate*, в название которого вынесен фразеологизм с гастрономическим компонентом. Рассмотренный материал позволяет говорить о том, что имена *maíz* «маис», *chile* «перец-чиле», *chocolate* «шоколад», *mole* «моле», *frijoles* «фасоль», *aguacate* «авокадо» обладают наибольшим количеством дериватов (видовых названий, словообразовательных и семантических производных) в лексике мексиканского национального варианта испанского языка и наибольшим количеством ассоциаций и символов в ЯКМ мексиканцев. Исходя из принятого рабочего определения концепта, можно признать, что в сфере лексико-семантического поля «пища» имена *maíz* «маис», *chile* «перец-чиле», *chocolate* «шоколад», *mole* «моле», *frijoles* «фасоль», *aguacate* «авокадо» являются ведущими и связанными между собой концептами языковой картины мира мексиканцев.

Глава III «Пространство и время через категории имени собственного» устанавливает динамику развития категорий имени собственного на примере *антропонимов (раздел 3.1.)* и *топонимов (раздел 3.2.)* через призму национально-специфичной языковой картины мира. Имя собственное – лексическая универсалия любого языка и объект внимания ученых с древнейших времен. Анализ развития категорий имени собственного под влиянием национально-специфичной языковой картины мира мексиканцев как особого семиотического кода культуры позволяет вывести важнейшие модели восприятия и отражения пространства и времени через универсальные системные свойства имени собственного и модели образования на их основе мотивировки именовании и эстетических кодов, выявляемых в дискурсах различных типов.

Индейский компонент менталитета и изосемичной ему языковой картины мира мексиканцев, синтетический характер культуры страны, воплотившийся в сфере имени собственного в богатстве и многообразии престационных процессов, а также значимость исторических и

патриотических ценностей обуславливают семиотику мексиканского антропонимикона. Одним из результатов исследования стал составленный краткий словарь мексиканских персоналий из 40 единиц, в лингводидактических целях могущий служить ключом к пониманию истории и культуры Мексики, например:

- *Куаутемок (Cuauhtémoc; 1495–1525)* – одиннадцатый (последний) император ацтеков. Куаутемок отказался открыть конкистадорам место хранения сокровищ и был подвергнут страшным пыткам, а затем казнен. По легенде, уже находясь на костре, Куаутемок стоически воскликнул: «Не на ложе ли из роз я нахожусь?». Историческое полотно мексиканского художника Леандро Исагирре (1867-1941) «Муки Куаутемока» “*El tormento de Cuauhtémoc*” посвящено этому героическому сюжету.
- *Хуана Инес де ла Крус (Sor Juana Inés de la Cruz; 1651–1695)* – поэтесса и драматург, блестящая представительница литературы барокко, еще при жизни названная современниками «Десятой Музой» (*La Décima Musa*).
- *Бенито Хуарес (Benito Juárez; 1806–1872)* – государственный и политический деятель, национальный герой Мексики. Президент в 1861–1872 гг., организатор борьбы против англо-франко-испанской интервенции. Первый Президент Мексики индейского происхождения.

Формально являясь именами собственными, персоналии имеют в качестве плана содержания набор культурно-значимых сведений, коннотаций и символов, ассоциирующихся у носителей языка с именами хорошо известных им лиц. Персоналии как таковые, а также возникшие на их основе культурно-специфические символы и ассоциации образуют прецедентные феномены. Имя личное может концептуализироваться, что обуславливает его словообразовательную и семантическую деривацию, идиоматизацию, а также роль в дискурсе и трансонимизацию. Вот несколько характерных примеров. Словообразовательный дериват имени индейской переводчицы *Малинче (Malinche)* с суффиксом *-ismo* абстрактного значения качества (ср. *egoísmo*) и приверженности политической доктрине (ср. *comunismo*) – существительное *malinchismo* – означает увлечение всем иностранным.

Кантифлас (Cantiflas) – значимое для менталитета и ЯКМ мексиканцев прецедентное имя (сценический образ пустослова, созданный мексиканским комическим актером Марио Морено): *La herencia de Cantiflas se respira en los discursos de los políticos. Hablan sin hablar. Dicen sin decir.* (Esquivel) / «Наследие Кантифласа живет в выступлениях политиков, которые произносят речи, но ничего не говорят». От данного прецедентного имени происходят глагольный дериват *cantiflear* «заниматься пустой болтовней», «лить из пустого в порожнее» и качественное прилагательное *cantiflesco* «бессмысленный», «пустой» (о речи). Примеры из записи носителей языка: *No estés cantifleando* / «Не болтай чепухи»; *Los políticos se la pasan cantifleando* / «Политики занимаются только разговорами»; *Es una frase cantiflesca* / «Это просто бессмысленная фраза». Прецедентные имена

активно вовлекаются в действие *тропеических* механизмов языка, *сравнения* и *метафоры*, в первую очередь. «Десятая Муза» (*La Décima Musa*) в ЯКМ мексиканцев – это Сор Хуана Инес де ла Крус. «Отец Родины» (*El Padre de la Patria*) – Мигель Идальго-и-Костилья.

Регулярным механизмом развития категорий имени собственного под воздействием национальной языковой картины мира может расцениваться *трансонимизация*. В частности, глобальную топонимическую закономерность представляет переход имен личных в географические названия (топонимы). Два примера однокомпонентных антропотопонимов индейского происхождения: гидроним *Moctezuma* (Монтесума) – название реки в штате Идальго; *Cuauhtémoc* (*Куаутемок*) – название муниципального центра в штате Чиуауа и название района в Федеральном Округе.

Раздел 3.2. посвящен анализу *географических названий* Мексики (топонимов) и обсуждению их роли в реконструкции языковой картины мира мексиканцев. Познавательный потенциал топонимов поистине безграничен. Этимология, внутренняя форма, морфологическая структура, деривационные и дискурсивные возможности географических названий представляют несомненную ценность для реконструкции языковой картины мира и языковой личности. Национальная топонимия может рассматриваться как *особая знаковая система внутри культуры*, с собственными закономерностями семантики, синтактики и прагматики – тремя базовыми семиотическими измерениями знака. Топонимия Мексики является органичной частью лексического состава мексиканского национального варианта испанского языка. Мексиканские топонимы отражают регулярные модели номинации географических объектов, свойственные разным эпохам в истории страны. В исследовании обозначена временная перспектива, позволяющая говорить о реконструкции пространственной картины мира мексиканцев как структуры знаний о присвоении человеком имен географическим объектам в диахронном аспекте. Старейший пласт мексиканских топонимов – это *топонимы-индихенизмы*. Мексиканские топонимы-индихенизмы опознаются по топоформантам индейского происхождения (как правило, передающим обобщенные пространственные и количественные ориентиры: «рядом», «через», «наверху» и т.п.) и свидетельствуют о том, какие характеристики географических объектов привлекали внимание индейских предков современных мексиканцев и мотивировали их именованья. Это, прежде всего, следующие характеристики. *Флора*. *Ocotlán* (город в штате Халиско) – «место, где растут сосны» (*ocotl* – «сосна» на науатль). *Фауна*. Упоминание оленя (*mazátl* на науатль) фигурирует в названии города *Mazatlán* в штате Сонора и города *Mazatepec* в штате Морелос. *Особенности ландшафта и восприятие природы*: гидроним *Nexra* – «около пепла». *Особенности почвы*. Песок как характерная особенность почвы отражен в топонимах с топоосновой *xalli* («песок» на науатль): столица штата Веракрус *Jalapa*, город в штате Оахака *Jalatlaco*, муниципальный центр в штате Керетаро *Jalpan*, а также муниципальный центр в штате Табаско *Jalpa de Méndez*. *Особенности*

климата. Один из островов на озере Пацкуаро в штате Мичоакан называется *Janitzio* (на пурепеча – «место, где идет дождь»). *Проживание (обычно – границы проживания) того или иного народа*: астионим *Purépero* в штате Мичоакан восходит к самоназванию тарасков.

Языковое творчество древних индейских народов Мексики отражено в сохранившихся до наших дней *топонимах-метафорах*. Например, гидроним *Supatitzio* (река в штате Мичоакан; «поющая река» на пурепеча) – поэтическое олицетворение шума воды. Название холма *Tereuas* – «отрог», «оконечность холма», где, по преданию, индейцу Хуану Диего явилась Богоматерь Гуадалупе, представляет антропоморфную метафору «нос холма» – архетипическое уподобление форм рельефа телу человека – глобальную топонимическую закономерность¹³.

Несмотря на известную противоречивость толкования этимологии многих топонимов индейского происхождения, примечателен сам факт наличия и сохранения в топонимии Мексики значительного пласта индихенизмов. Это свидетельствует об устойчивости индейского компонента в языковом постижении пространства мексиканцами и о стабильности адаптации индихенизмов в топонимической лексике страны. Анализ ассимиляции индейского компонента позволяет вывести следующие основные *структурные типы* топонимов. *Однокомпонентный топоним-индихенизм (Ocotlán)*. *Христианский религиозный компонент + топоним-индихенизм* (в основном – это астионимы: *San Andrés Tuxtla*), что служит свидетельством отражения синкретизма культуры Мексики в развитии топонимических ресурсов лексической системы и в становлении характерных моделей номинации мексиканских топообъектов. *Индихенизм + испанский географический термин (Amatenango del Valle)*. *Испанский географический термин + индихенизм (Pico de Tacítaro)*. *Общеиспанское существительное + предлог de + индихенизм* – структурный тип, тяготеющий к образованию метафор. Например, значимый для истории Мексики хорионим штата Герреро *Abrazo de Acatempan* «Объятие Акатемпана» – метафорическое обозначение встречи в этом селении 10 марта 1821 г. Висенте Герреро и Агустина Итурбиде, принявших решение об объединении сил и скрепивших его объятием. *Индихенизм + предлог de + имя собственное (Ocotlán de Morelos)* – распространенная модель мемориальных топонимов.

В исследовании рассмотрена этимология топонимов-индихенизмов как эстетический ресурс письменных текстов, от американских хроник до современных научно-популярных текстов, где упоминание индейской этимологии топонимов, будучи логически избыточным и линейно расширяющим текст, имеет эстетическую значимость: *La ciudad de Taxco se edificó sobre plata y a las faldas del cerro de Atachi, que significa “Señor de las Aguas”* (*México desconocido*, noviembre 2001, № 297). Установлены следующие основные типовые модели включения индейской этимологии в научно-популярный текст. *Топоним + конструкция с глаголом significar +*

---

¹³ Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. – М.: Мысль, 1974.-С.126-135.

этимология. Топоним + конструкция с существительным *significado*. Топоним как объяснительное приложение к топониму (графически оформляется скобками и кавычками или помещается в кавычки и отделяется от определяемого топонима запятой). Толкование этимологии может предшествовать топониму или начинать текст, непосредственно следуя за топонимом в заголовке:

COMALCALCO

“*Lugar de la casa del comal*”. *Es uno de los sitios maya más relevantes de Tabasco.* (Guía México desconocido. Edición 109 «Tabasco. Rutas turísticas»).

Среди топонимов периода конкисы регулярны топонимы христианской тематики – универсальный пласт топонимии Латинской Америки в целом¹⁴: *Espíritu Santo* «Святой Дух» – название острова в Нижней Калифорнии и название бухты в штате Кинтана Роо; *San Pedro y San Pablo* «Святой Петр и Святой Павел» – название реки в штате Табаско. Многие топонимы, данные в период конкисы и дошедшие до наших дней, дублируют географические названия Испании: *Jerez* (город в штате Сакатекас), *Salamanca* (в штате Гуанахуато). Топонимы на базе общеиспанской апеллятивной лексики отражают объективную или воспринимаемую образно характеристику окружающей среды: астионим *Fresnillo* «яшень»; гидроним *Fuerte* «Сильная». Значимые для менталитета и языковой картины мира мексиканцев ценности национально-освободительного и революционного движения нашли отражение в многочисленных мемориальных антропотопонимах. Так, названия *Morelos* (штат), *Morelia* (столица штата Мичоакан), *Ocotlán de Morelos* (город в штате Оахака), *Tepatitlan de Morelos* (муниципальный центр в штате Халиско) – топонимические свидетельства памяти о национальном герое Мексики Хосе Марии Морелосе-и-Павоне. Протагонисты антропотопонимов – это, прежде всего, герои национально-освободительного и революционного движения Мексики, видные политики. В мексиканские антропотопонимы регулярно переходят: первая фамилия протагониста: *Morelos, Hidalgo, Guerrero* – в названиях штатов; имя и первая фамилия: *Miguel Hidalgo* – в названии района Федерального Округа; две фамилии (без имён): *Gómez Farías* – в названии муниципального центра в штате Тамаулипас. Во внутрискруктурном плане мемориальные топонимы отражают процессы трансонимизации и формирование словообразовательных гибридов – свидетельств синтетического характера мексиканской культуры.

Из деривационных процессов, в которых регулярно задействованы мексиканские топонимы, в исследовании детально проанализированы аббревиация названий штатов как стабильное средство выражения пространственной идентификации в письменной речи (ср. библиографическое описание: Pérez Martínez, Herón. *El hablar lapidario: ensayo de paremiología mexicana.* - **Zamora, Mich: El Colegio de Michoacán,**

---

¹⁴ Литвин И.П. Словарь топонимической лексики Латинской Америки. – М. Наука, 1983.- С.9-10.

1995) и словообразование названий жителей и прилагательных принадлежности к местности с последующим рассмотрением их функционирования в дискурсах различных типов.

Глава IV «Культурные доминанты в этикетном и юмористическом дискурсе» сосредоточена на анализе двух прагматических типов дискурса – *этикетного (раздел 4.1.)* и *юмористического (раздел 4.2.)*. Обращение к этикетному дискурсу плодотворно для изучения конвенциональности языка как знаковой и коммуникативной систем. Этикетный дискурс органично связан с культурой в широком, антропологическом смысле, и ею же обусловлен. Этикетный дискурс проявляется в сфере речевого этикета – ритуализованных способах вербального поведения человека в обществе, расцениваемых как вежливые и социально одобряемые. В отечественной испанистике к проблематике речевого этикета впервые обратилась Н.М. Фирсова, что было продолжено в исследованиях ее школы. Складывание норм и ритуализованных предписаний мексиканского этикета общения (в том числе – речевого) и – шире – норм мексиканской вербальной коммуникации неразрывно связано с формированием мексиканской нации, национального характера и культурных доминант. Применительно к речевому этикету это относится к образованию языковых вкусов (предпочтений и избеганий), существующих в коллективном социокультурном опыте мексиканцев. Анализ этикетного дискурса мексиканцев позволил прийти к выводу о характерном для него режиме интенсивного диалога с вербализацией коммуникативных намерений. Так, этикетно не приемлемо отойти от собеседника, ничего при этом не сказав. Поэтому намерение отойти от собеседника словесно оформляется формулой *Con permiso* «С Вашего/твоего позволения» (как проявление речевой игры функционирует усеченная форма *Con per*). Этикетные реплики-реакции на формулу *Con permiso* – это: *Propio / Adelante/ Pásele/Pásale*.

Мексиканский этикетный дискурс является органичной частью общеиспанской коммуникативной культуры в отношении выбора и реализации вербальных формул универсальных коммуникативных ситуаций. Национальная специфика проявляется, в основном, в реализации экспрессивно-окрашенных средств и в своеобразном воплощении категории вежливости. Ресурсы эмоционально-окрашенных мексиканских форм обращения вписываются в общие модели аффективных испанских форм обращения и охватывают использование имен органа чувства (*corazón* «сердце», *alma* «душа»), абстрактные имена (*amor* «любовь», *vida* «жизнь», *encanto* «очарование»), астральные символы (*cielo* «небо»), названия пола и возраста (*mujer* «женщина», *niña* «девочка»), зооморфизмы (*palomita* «голубка»), фитонимы (*mango* «манго» – в составе комплимента-пиропо), номинации по признаку особенностей внешнего облика (*enano* «гном», *chata* «курносая»). К светловолосым людям (точнее, к нечерноволосым) одна из излюбленных разговорно-обиходных форм обращения в Мексике – это *güero/güera; güerito/güerita*.

Организирующим центром категории вежливости в мексиканском этикетном дискурсе являются категории *учтивости и деликатности*; ср. речевой акт просьбы принести счет в форме отрицательного вопросительного предложения: *¿No me trae la cuenta, por favor?* и отказ от прямого утверждения в ситуации называния продавцом точной цены: *Serían ochenta pesos*. Значимую роль в этикетном дискурсе мексиканцев играет категория диминутивности – важная характеристика коммуникативной культуры латиноамериканцев в целом. В мексиканском национальном варианте испанского языка уменьшительные суффиксы проникают и в письменную речь, обладающую, по сравнению с речью устной, известным консерватизмом. В письменной речи диминутивные формы наиболее типичны при обращении к массовому адресату и создают особо доверительную тональность: *Elaboradas con las mejores papas frescas, naturalmente crujientes y **doraditas**, como recién **hechecitas*** (надпись на упаковке жареного картофеля).

Также рассмотрены основные модели реализации «антиэтикетного» дискурса, намечающего «инвективный портрет» (термин В.И. Жельвиса) мексиканской нации.

При анализе *юмористического дискурса (раздел 4.2.)* юмор был обозначен как спроецированные на языковую картину мира и реализуемые в ситуации смехового общения менталитет и особенности «коллективного бессознательного» как имманентная часть национального характера. Мексиканцам присуща склонность к языковой игре. Языковая игра касается построения реплик-стимулов, вербальной реакции на слова собеседника (реплик-реакций), широтой тематики и богатством дискурсивных проявлений. К примеру, употребление вместо названия *Morelia* (столица штата Мичоакан) комического словообразовательного гибрида *Mujrelia*, первый слог которого представляет начальные звуки слова *mujer*/«женщина», по мотивации восходящего к суждению-гиперболе *En Morelia viven las mujeres más bonitas* / «В Морелии живут самые красивые женщины». Понятия, вокруг которых строится мексиканский юмор, простираются от ближайшего повседневного окружения человека до глобальных событий государственного и мирового масштаба. В исследовании проанализированы следующие юмористические построения, широко представленные в повседневной речи мексиканцев: фонетическое созвучие (аллитерация) исходной и мотивированной лексем; различные виды не прямых юмористических номинаций; ироническое возвеличивание или принижение; юмористические рифмовки; высмеивание неправильного, просторечного произношения; каламбуры на основе универсальных лексических категорий и др. Ср. каламбур, основанный на омонимии существительных *bolero* m – «болеро», кубинский музыкальный жанр и *bolero* m – «чистильщик обуви», от мексиканизма *bolear* «чистить обувь», которому в других латиноамериканских странах соответствуют такие глаголы, как, например,

*lustrar, chinear, brillar, pulir, embolar*¹⁵, обыгрываемом в юмористически построенном ответе: – *¿Te gustan los boleros?* / «Тебе нравятся болеро?»– *Especialmente, los de los parques.* / «Да, особенно те, что в парках». Из спонтанного индивидуального употребления юмористические выражения могут переходить в юмористические штампы и цитации, что находит отражение в лексикографических изданиях (Мехия Прието, Веласко Вальдес, А. Хименес и др.)

Формально-выразительные средства юмористического дискурса мексиканцев сопряжены с типологическими характеристиками испанского языка (морфонологической структурой слова, ресурсами омонимии, ресурсами синтаксиса, в первую очередь). Лингвокультурная специфика лексики, прецедентные феномены и национальная система ассоциаций и символов составляют когнитивную базу мексиканского юмористического дискурса.

Глава V «Лингвокультурная специфика лексики мексиканского национального варианта испанского языка в художественном тексте».

Раздел 5.1. посвящен теоретическим проблемам анализа художественного текста. Особенности языковой картины мира мексиканцев и лингвокультурная специфика лексики мексиканского национального варианта испанского языка как семиотические коды эстетики художественного текста проанализированы на материале романа Карлоса Фуэнтеса *La muerte de Artemio Cruz* / «Смерть Артемियो Круса» (**раздел 5.2.**) и романа Лауры Эскивель *Como agua para chocolate* / «Шоколад на крутом кипятке» (**раздел 5.3.**), принадлежащих перу признанных мастеров современной мексиканской прозы, представляющих «новый латиноамериканский роман» и традиции «магического реализма», соответственно. Согласно гипотезе диссертации, данные художественные тексты, являясь частью «семиосферы», по Ю.М. Лотману, мексиканской культуры, служат репрезентативным и достоверным материалом для исследования отражения в эстетической структуре художественного текста языковой картины мира мексиканцев и, в частности, избранных для модельного интегрального описания лексических пластов и прагматических типов дискурса.

Роман К.Фуэнтеса *La muerte de Artemio Cruz* (1962; пер. М.И. Былинкиной; 1965) охватывает более чем полувековой период истории Мексики XX века, спроецированный на жизнь главного героя. Коммуникативно-семиотическая схема романа образует трехчленную парадигму лица: *я, ты, он*. Предельная откровенность героя в течение двенадцати часов одного дня перед лицом неотвратимой смерти (исповедальный «я»- дискурс), голос подсознания («ты»-дискурс) и канва событий вне хронологической последовательности («он»-дискурс) создают уникальную эстетику текста и его полифонию. В исследовании установлено,

---

¹⁵ Moreno de Alba, J.G. El español en América. Tercera edición, corregida y aumentada.- México: Fondo de Cultura Económica, 2001.- P. 166.

что важная роль в семиотике романа принадлежит особенностям менталитета мексиканцев и изосемичной ему языковой картине мира. Топонимическое пространство романа, лексика, именующая исторические, архитектурные, этнографические реалии, реалии мексиканской кухни, а также объекты природного мира (флора и фауна) образуют фундамент *мексиканского «предметного» мира*, в который погружено и на фоне которого развивается повествование. Так, *топонимическое пространство* романа создает географическое правдоподобие и географическую достоверность перемещений героя в течение его жизненного пути, диспозиции войск революционной армии, местонахождений жилища, что достигается за счет актуализации в тексте различных видов *реальных топонимов*, наиболее характерные из которых – это названия административных единиц (названия штатов Мексики), названия городов, водных объектов, а также городская топонимия, в первую очередь, названия улиц и районов: *Todo un muro de tu despacho estará cubierto por ese cuadro que indica la extensión de y las relaciones entre los negocios manejados: el periódico, las inversiones en bienes raíces – México, Puebla, Guadalajara, Monterrey, Culiacán, Hermosillo, Guaymas, Acapulco, los domos de azufre en Jáltipan, las minas de Hidalgo, las concesiones de madereras en la Tarahumara <...>*.

В диссертации подробно анализируются аллюзии текста, в основе которых лежат культурно-специфические представления мексиканцев. Ср. эстетически-обусловленное обозначение вулканов *Iztaccíhuatl* и *Popocatepetl* через их индейскую этимологию «белая женщина» и «дымящаяся гора», соответственно, и аллюзию с ацтекской легендой о воине Попокатепетле, превращенном в вулкан и охраняющем вечный сон своей возлюбленной Истаксиуатль: *La mañana azul y límpida recortaba y acercaba las líneas de los volcanes: la pareja de la mujer dormida y su guardián solitario*. Историческая достоверность текста проявляется в использовании мексиканских исторических реалий и аллюзий типа *pelones* «лысые» – обозначение федералов, *ejidatarios* – «члены крестьянского кооператива «эхидо», *carranclanes* – «карранкланы» (уничжительное название сторонников Венустиано Каррансы). Развернутые исторические символы образуют протяженные фрагменты текста. Ср. название года, в который родилась бабка Артемио Круса – Людивиния: *<...> el año de la primera revoltura, cuando la gritería de palos y piedras se levantó en el curato de Dolores*. Имеется в виду 1810 г., когда в селении Долорес местный священник Мигель Идальго (1753–1811 гг.) ударил в колокол и обратился к народу с призывом к вооруженному восстанию за освобождение Мексики от испанских колонизаторов.

Глава содержит анализ средств воссоздания в анализируемом романе К. Фуэнтеса *мира повседневной жизни* мексиканцев через такие пласты культурно-значимой лексики мексиканского национального варианта испанского языка, как разговорно-обиходная, национально-специфичная лексика, индихенизмы как средства отражения мексиканского предметного мира и как средства создания экспрессии; экспрессивно-оценочные

существительные, прилагательные и наречия; междометия с постфиксом –le; коннотативно окрашенные формы обращения; формы косвенной диминутивности; национально-окрашенная фразеология; жаргонная лексика; грамматическое своеобразие реализации лексических единиц. Ср. использование национально-окрашенной фразеологии: *Así matarán a todos si no les partimos la madre. Vean.*

Важную семиотическую роль в формировании функциональной и эстетической целостности романа играет мотив *виоленсии* (*violencia*), которая образует сложнейший художественно-мифологический комплекс латиноамериканской литературы¹⁶. Так же, как мотив виоленсии, исключительно важным для понимания семиотических кодов романа является национально-специфичное воплощение в менталитете и в языковой картине мира мексиканцев концепта «смерть», реконструированного и интерпретированного в *Главе II*. Слово *muerte* /«смерть» в названии романа отражает наиболее существенное семиотическое содержание, вокруг которого построен весь роман: *tu muerte: animal que prevés tu muerte, cantas tu muerte, la dices, la bailas, la pintas, la recuerdas antes de morir tu muerte*. В исследовании показано, как на данной, во многом национальной, основе, развиваются и раскрываются вечные вопросы человеческого бытия: верность себе и своей судьбе, допустимость и последствия компромисса с совестью, отражение в судьбе отдельного человека судьбы нации.

В *разделе 5.3* представлен анализ лингвокультурологического пространства романа Лауры Эскивель *Como agua para chocolate* / «Шоколад на крутом кипятке» (пер. П. Грушко). Написанный в 1989 г., этот роман стал литературным дебютом Л. Эскивель, с которым она уверенно вошла в латиноамериканскую и мировую художественную литературу (роман переведен более чем на 30 языков). В романе причудливо переплетаются любовные отношения и кулинария, что создает уникальную семиотику текста. Роман имеет сложную текстовую структуру. Очевидной доминантой его стиля является мотив еды. Через этот доминантный стилеобразующий мотив создаются, раскрываются и дополняются образы героев, передается богатая гамма чувств, эмоций и рассуждений. Мотив еды в романе *Como agua para chocolate* представлен многочисленными *гастрономическими терминами*. Многие из них отражают реальную специфику и соответствующую терминологию мексиканской кухни: *maíz, frijoles, chile, mole, atole, tamal, tortilla, taco, enchilada, champurrado, chocolate* и др., словообразование, семантическая деривация и коннотативный потенциал которой были исследованы в *Главе II*. В разделе 5.3. анализируется роль гастрономической терминологии в формировании семиотики романа *Como agua para chocolate* через анализ ее актуализации в *текстах рецептов, фразеологизмах с гастрономическим компонентом, гастрономических метафорах и сравнениях*. Так, сильную степень накала эмоций коллективный

---

¹⁶ Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. – М.: Наследие, 2003. – С. 273-287.

языковой опыт мексиканцев сравнивает с водой, используемой для растворения шоколада (по кулинарной технологии вода должна быть кипящей). Поэтому возникло фразеологизированное сравнение *como agua para chocolate* / «как вода для шоколада», и ставшее названием романа об универсальных человеческих страстях, душевных порывах и разочарованиях. В тексте *Como agua para chocolate* этот фразеологизм появляется при описании негодования и отчаяния главной героини в один из ключевых моментов ее жизни – накануне обсуждения ее свадьбы с Дж. Брауном и открытого сопротивления этому ее постоянной любви – Педро: *Tita literalmente estaba «como agua para chocolate». Se sentía de lo más irritable.* Особый вид *гастрономической метафоры* романа представляют клички собак: Текила и Пульке – онимизированные названия знаменитых национальных мексиканских алкогольных напитков из агавы – *tequila, pulque.*

Установлено, что *гастрономические сравнения* выступают как особый эстетический код для целого ряда характеристик, которые охватывают, например, *межличностные отношения, передачу и интерпретацию психологического состояния героя, выражение эмоций, выражение физических действий, восприятие внешности героев.*

Мотив еды в романе является доминантным, но не единственным. Текст в целом характеризуется фольклорной окрашенностью и связанностью с культурным наследием мексиканцев. Это отчетливо проявляется в отражении в романе индейского компонента в менталитете мексиканцев (например, образ индианки-отоми Начи, воспитавшей Титу и помогающей ей в самые ответственные моменты жизни) и в функционировании в тексте фразеологических единиц, от общеиспанских до национально-специфичных, за счет которых автор осуществляет образный диалог с читателем, владеющим общим с ним фразеологическим фондом. Показательно использование в тексте фразеологизма *lo que el viento a Juárez* / «что ветер – Хуаресу», означающего «ничего»: *Bueno, la única a quien el pastel le hizo lo que el viento a Juárez fue a Tita.*

В *разделе 5.4.* осуществлено сопоставление оригинального текста романа Лауры Эскивель *Como agua para chocolate* с его переводами на русский (пер. П. Грушко) и английский (пер. Carol Christensen, Thomas Christensen) языки, что образует интересный материал для размышлений об особом аспекте семиотики данного яркого текста мексиканской культуры, а именно о способах его передачи и адаптации в других культурах (русскоязычной и англоязычной). Русский перевод в целом оказывается более объяснительным, чем английский. Русский перевод, например, тяготеет к фольклорной адаптации, английский же – к предметно-логической, зачастую – дословной передаче фразеологизмов: *Hasta que pasó lo que tenía que pasar: tanto va el cántaro al agua hasta que se rompe.* / «Покуда не случилось то, что и должно было случиться: повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сложить» / *Finally it just had to happen: the pitcher went to the well once too often.*

В русском переводе предложена виртуозная стилизация фразеологизма *como agua para chocolate*, ставшего семиотическим центром романа: «*Tita* чувствовала себя буквально как шоколад на крутом кипятке. Ее прямо распирало от злости». Английский же перевод обнаруживает покомпонентную передачу фразеологизма: *Tita was literally “like water for chocolate”–she was on the verge of boiling over. How irritable she was!*, что отразилось и в вариантах названия романа в русском и английском переводах.

В **Заключении** изложены основные выводы исследования и обозначены его дальнейшие перспективы.

Мексиканский национальный вариант испанского языка – органичная часть общеиспанского языкового континуума и одновременно независимое и самостоятельное языковое целое, обладающее собственным набором релевантных признаков и образующее особую лингвокультурологическую сущность.

Стимулом предпринятого диссертационного исследования был поиск системообразующих факторов, повлиявших на становление и развитие лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка и её культурно-значимого потенциала. Системообразующие факторы культурно-значимого потенциала лексики мексиканского национального варианта испанского языка объединили национальный менталитет и языковую картину мира мексиканцев как один из семиотических кодов культуры Мексики. При этом как ведущие и взаимосвязанные коды менталитета и языковой картины мира мексиканцев были обозначены синкретизм культуры страны, индейский компонент, значимость ценностей национально-освободительного движения.

Складывание смешанной, метисной мексиканской нации и развитие в Мексике национального варианта испанского языка обусловили как органичную ассимиляцию, так и эволюцию общеиспанских языковых средств, своеобразие престационарных процессов, а также развитие специфических тематических пластов, образование культурно-значимой лексики и формирование величин ментально-языковой природы, т.е. концептов, обусловленных особенностями материальной и духовной культуры Мексики.

Реконструкция мексиканского культурного пространства на материале вербальных и невербальных проявлений (живописи, архитектуры, музыки, национальной кухни, в первую очередь) позволила утверждать, что национальный менталитет и языковая картина мира мексиканцев тесно взаимодействуют и обнаруживают отношения изофункциональности и изосемичности.

Предложенное интегральное описание лексики и культуры, изученные образование и развитие культурно-значимого потенциала лексики мексиканского национального варианта испанского языка, культурных доминант языковой картины мира мексиканцев, их реализация в дискурсах

различных типов удостоверили исходную гипотезу и доказали ее продуктивность.

Пути развития культурно-значимой лексики мексиканского национального варианта испанского языка важны для дальнейшего изучения закономерностей развития: испанского языка в целом, латиноамериканских национальных вариантов испанского языка, форм регионального и зонального варьирования, культурно-исторических и культурно-мировоззренческих факторов пространственного варьирования современного испанского языка.

Языковая картина мира как новая онтология филологического знания позволяет выйти за рамки поуровневого описания единиц языка и представить их в виде единого целого, функционирующего в дискурсах различных типов, обусловленных менталитетом и устойчивыми кодами культуры. Рассмотрение полинационального испанского языка через призму национально-специфичной языковой картины мира его носителей позволяет прийти к глобальным выводам об общих путях и перспективах развития языка как знаковой и коммуникативной систем.

***

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монография:

1. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: языковая картина мира: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2006. –238 с.: ил.

Статьи в сборниках научных трудов и журналах:

1. Чеснокова О.С. О некоторых способах выражения согласия (на материале мексиканского национального варианта испанского языка) // Структурно-семантические и коммуникативно-функциональные характеристики языковых единиц: Сб. науч. трудов.- М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1989. - С.55-62.
2. Chesnokova, Olga. Unidades con el componente “gastronómico” en español y ruso // ACTAS DE LA II CONFERENCIA DE HISPANISTAS DE RUSIA, Moscú, 19-23 abril de 1999 Editadas por la Embajada de España en Moscú. Madrid: Ministerio de Asuntos Exteriores. Dirección General de Relaciones Culturales y Científicas, 1999 (CD; 4 с.).
3. Tchesnokova, Olga. Dialogic Motivation of Spanish Forms of Address // Dialoganalyse VI. Referate der 6.Arbeitstagung Prag 1996. Teil 1. Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 1998. - S.487-491.
4. Чеснокова О.С. Мексика: национальная кухня и диалог культур // Россия и Восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2002.- С. 114-117.
5. Чеснокова О.С. Из наблюдений над мексиканским юмором // Текст: восприятие, информация, интерпретация / Текст как система: синтаксис и семантика. Интерпретация и взаимодействие культур. Личностное восприятие текста и интерпретация: Сб. докладов I

- Международной научной конференции Российского нового университета. – М.: РосНОУ, 2002. - С. 338-343.
6. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики в системе национальных вариантов испанского языка // Изучение латиноамериканистики в Российском Университете дружбы народов.- М.: Изд-во РУДН, 2002. - С.378-387.
  7. Tchesnokova, Olga. El español de México en el sistema de variedades nacionales del español // Situación lingüística en América Latina: Pasado y actualidad. FIEALC, 2001. – Moscú: Instituto de Latinoamérica de la ACR, 2003. - P.147-152.
  8. Чеснокова О.С. Испанская фразеология в контексте лингвокультурологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания».- 2003. - №1. – С. 73 – 78.
  9. Чеснокова О.С. Концепт «смерть» в мексиканском национальном варианте испанского языка и культуре Мексики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика».- 2004. - №1 (№6). - С. 106 – 112.
  10. Чеснокова О.С. Индейский компонент в национальном менталитете мексиканцев // Актуальные проблемы современной иберо-романистики (лингвистика, литературоведение, культурология). – М: ИТД ГК «Гнозис», 2004. – С.203 – 211.
  11. Чеснокова О.С. Русский и английский переводы романа Лауры Эскивель “*Como agua para chocolate*” как явления межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод. Материалы межвузовской научной конференции. – М.: МОСУ, 2005. – С. 279-282.
  12. Пospelова Н.М., Чеснокова О.С. Топонимика Мексики: названия штатов и их столиц.// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». - 2005-2006.- №1(3-4).- С.229-237.
  13. Tchesnokova, Olga. Laura Esquivel’s *Como agua para chocolate*: Facets of Dialogicity// Dialogue Analysis IX: Dialogue in Literature and the Media. Selected Papers from the 9th IADA Conference, Salzburg 2003. Part 1: Literature. Edited by Anne Betten and Monika Dannerer. Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 2005.- S.327-336.
  14. Чеснокова О.С. Термины родства “padre”, “madre” в мексиканском национальном варианте испанского языка: семантический, когнитивный и дискурсивный аспекты.// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». – 2006. – № 8– . С. 86-97.
  15. Чеснокова О.С. Семиотика романа Лауры Эскивель *Como agua para chocolate* // Вестник МГУ. Сер.19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация».- 2006. - № 2.- С.58-71.

Учебные пособия:

1. Фирсова Н.М., Чеснокова О.С. Обращение в современном испанском языке: Учеб. пособие. - М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1987. – 92 с. (раздел «Формы обращения в Мексике»; с. 72-87).
2. Чеснокова О.С. Мир испанского языка: Мексика: Учеб пособие.- М.: Изд-во РУДН, 1999.-55 с.
3. Чеснокова О.С. Испанский язык в странах Латинской Америки. Мексика: Учеб. пособие. – М.:Изд-во РУДН, 2004. - 99 с.

Чеснокова Ольга Станиславовна (Россия)

Отражение языковой картины мира в развитии лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка

Диссертационная работа посвящена исследованию влияния языковой картины мира на развитие лексической системы национального варианта испанского языка крупнейшей испаноязычной страны – Мексики. Мексиканский национальный вариант испанского языка органично реализуется в общеиспанском языковом континууме, но также представляет самобытное лингвокультурологическое целое с собственным набором релевантных признаков. Языковая картина мира современных мексиканцев реконструируется путем описания концептуальных величин сложной ментально-языковой природы, через выявление и характеристику свойств лексико-семантической системы и ее ресурсов. Предложен опыт интегрального описания лексики и культуры, выявлено образование и развитие культурно-значимого потенциала лексики мексиканского национального варианта испанского языка и системообразующих факторов языковой картины мира мексиканцев, рассмотрена их реализация в дискурсах различных типов.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в теоретических исследованиях, посвященных вопросам взаимодействия языка и культуры, пространственному варьированию испанского языка, в научных дисциплинах, рассматривающих вопросы становления и развития этносов и эволюцию культуры, в преподавании испанского языка.

Olga S. Chesnokova (Russia)

The Linguistic World View Reflection in the Development of Mexican Spanish Lexical System

The thesis deals with the investigation of the linguistic world view influence in the development of lexical system of Mexican Spanish, a national variant of the Spanish language of the biggest Spanish speaking country. The Mexican national variant of the Spanish language is an organic part of Panhispanic continuum, but also represents original linguistic and culturological unit, with its own relevant features. The linguistic world view of Mexican people is reconstructed through the

description of the conceptual units of complex mental and linguistic nature, through revealing properties of lexical-semantic system and its resources. The thesis offers integrated description of lexicon and culture, investigates the formation and development of cultural-significant potential of Mexican Spanish lexicon, system-forming factors of linguistic world view of Mexican people, their realization in various types of discourse.

Materials and results of the thesis can be used in the theoretical studies devoted to interaction of language and culture, the Spanish language variations, development of ethnoses, evolution of culture, as well as in the Spanish language teaching.